

УДК 343.91
ББК 67.51
С12

Савьяно, Роберто.

С12 Гоморра. Моя жизнь внутри мафии : [перевод с итальянского] / Роберто Савьяно. — Москва : Родина, 2024. — 368 с.

ISBN 978-5-00222-629-0

«Гоморра», книга в жанре журналистского расследования от Роберто Савьяно, рассказывает о жестокой преступной международной империи из Неаполя. Автор и его семья — сами урожденные неаполитанцы — лично сталкивались с произволом мафии. Отец Роберто Савьяно, врач скорой помощи, однажды спас не добитого в ходе мафиозной разборки 18-летнего паренька — и за это сам был избит бандитами до полусмерти.

Пытаясь проникнуть в закулисную жизнь итальянской преступности, молодой журналист нанимается чернорабочим в нелегальную китайскую текстильную мастерскую, работает официантом и строителем и многое узнает о деятельности мафиозных кругов в сферах промышленности, строительства и наркоторговли. Его захватывающий и тревожный рассказ, содержащий множество конкретных подробностей о преступлениях каморры — похищения людей, торговля наркотиками, шантаж, вымогательства и убийства, — вскоре после публикации в Италии становится международным бестселлером и основой для полнометражного фильма и популярного сериала, вышедших под названием «Гоморра».

**УДК 343.91
ББК 67.51**

ISBN 978-5-00222-629-0

© Савьяно Р., 2025
ООО «Издательство Родина», 2024

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Порт	6
Анджелина Джоли	23
Система	47
Война в Секондильяно	73
Женщины	165
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	192
Калашников	192
Железобетон	224
Дон Пеппино Диана	264
«Голливуд»	292
Абердин, Мондрагоне	310
Пылающая земля	339
Примечания	364

Посвящается С., черт возьми

*Понимать, что такое жестокость,
не отрицать ее существования, бес-
страшно противостоять реальности.*

Ханна Арендт

*Тот, кто побеждает, неважно, ка-
ким способом, никогда не чувствует
угрызений совести.*

Никколо Макиавелли

*Люди — черви и должны ими оста-
ваться.*

(Из перехваченного
телефонного разговора.)

Мир твой.

«Лицо со шрамом»¹

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Порт

Контейнер качало из стороны в сторону, пока подъемный кран перемещал его над палубой. Спрейдер — устройство для захвата контейнера — не справлялся с качкой: казалось, он висел в воздухе сам по себе. Плохо закрытые дверцы неожиданно распахнулись, и на палубу, будто манекены, посыпались десятки тел. Но при падении головы раскалывались по-настоящему, как и должны раскалываться человеческие черепа. Из контейнера вываливались мужчины и женщины. Иногда попадались дети. Все мертвые. Примерзшие друг к другу, как мороженая рыба. Бесчисленные китайцы, которым неведома смерть, а ведомо перерождение, — после их гибели документы получают их собратья.

Вот где они теперь. Те, у кого богатая фантазия, прямо-таки видели, как эти тела перерабатывают в фарш на ресторанных кухнях, закапывают в огородах около фабрик, бросают в жерло Везувия. А они оказались здесь. Падали десятками из контейнера, на шее у каждого — бирка с именем. У всех были отложены деньги на похороны, они хотели быть похороненными в Китае, в своих родных городах. Работодатели забирали часть их зарплаты, а взамен гарантировали возвращение на родину после смерти: немного места в контейнере и наконец — яма где-то в китайской земле.

Во время своего рассказа портовой крановщик прятал лицо в ладони и смотрел на меня сквозь пальцы. Словно ему было легче говорить, скрывшись за этой импровизированной маской. Он смотрел, как падали на палубу мертвецы, и даже не звал на помощь — в этом не было необходимости. Едва он опустил контейнер, как тут же из темноты появились люди, побросали трупы обратно, а потом полили место происшествия водой из шланга. Так здесь все решалось. Он не верил своим глазам, надеялся, что это ему привиделось от усталости: работал вторую смену подряд. Он сжал пальцы, теперь полностью закрыв лицо, и, всхлипывая, продолжил рассказ, но я не мог разобрать ни слова.

Все поступает отсюда. Отсюда, из Неаполя, из этого порта. Нет такой вещи: ткани, куска пластмассы, игрушки, молотка, ботинка, отвертки, гайки, видеоигры, куртки, штанов, дрели, часов — которая бы не прошла через этот порт. Неаполитанский порт — это рана. Глубокая. Пункт назначения бесконечных потоков товаров. Корабли прибывают, входят в залив и встают во внутреннюю гавань, как щенки, пристраивающиеся к сосцам матери; разница только в том, что доить здесь будут их. Порт Неаполя — это дыра на карте мира, через которую к нам попадает все, что производится в Китае и на остальном Дальнем Вос-

токе. Парадокс. Дальний, дальше некуда — даже представить себе трудно. Если закрыть глаза, то видишь только кимоно, бороду Марко Поло и знаменитый удар Брюса Ли в прыжке. На самом деле этот Восток связан с Неаполем гораздо теснее, чем любой другой регион. В нем нет ничего дальнего. Ближайший Восток, вот как его надо называть. Все, что производится в Китае, сливается сюда. Это как яма в песке, в которую выливают воду из ведерка: она становится глубже и глубже. Оборот одного только порта Неаполя составляет 20% от всей стоимости импортируемых китайских тканей, а если считать по объему продукции, то отсюда поставляется уже более 70%.

Это нелегко понять, но товары обладают волшебными свойствами: они существуют, не существуя, оказываются в месте назначения, не прибывая туда, стоят бешеных денег, будучи при этом плохого качества, и — копейки по накладным, на самом деле являясь более чем ценными. Секрет в том, что текстиль обладает множеством товароведческих характеристик, и достаточно одной галочки на сопроводительных документах, чтобы значительно снизить стоимость и НДС. В черной дыре порта молекулярная структура вещей будто бы распадается, чтобы потом опять восстановиться, едва они окажутся вдали от берега.

Товары должны покидать порт как можно скорее. Все происходит так быстро, что груз, только появившись, исчезает со скоростью света: раз — и его уже нет. Есть здесь таинственные причалы, корабли-призраки, исчезающие грузы. Некоторые перевозки так никогда и не начинаются. Предметы испаряются, словно ничего и не было. Товар должен попадать в руки покупателя, не оставляя за собой никаких следов, должен оказываться на складе сразу же, без промедления, даже раньше назначенного времени, потому что время означает контроль. Центнеры товаров перемещаются так легко и просто,

будто это обычные посылки, которые отправляют наложенным платежом, а потом почтальон доставляет их на дом. В порту Неаполя, на его 1 336 000 квадратных метрах, протянувшихся вдоль побережья на 11,5 км, время обладает уникальной способностью растягиваться. То, на что ушел бы час в обычном мире, здесь совершается меньше чем за минуту. Поговорка о медлительности неаполитанцев забыта, опровергнута, вычеркнута из памяти. Таможня работает по расписанию, в которое нельзя впихнуть всю китайскую продукцию. Товары прибывают и убывают с бешеной скоростью. Здесь действительно убивают время. Минуты гибнут одна за другой, секунды у документов отвоевывают с боем, их преследуют рев грузовиков и подъемные краны, сопровождаемые электрокарами, которые разгружают контейнеры.

В порту Неаполя работает крупнейшая контейнерная компания Китая — COSCO, владеющая третьим по величине флотом в мире; объединившись с женевской MSC, владеющей вторым по величине флотом, она заняла самый большой терминал. Швейцарцы договорились с китайцами и решили разместить большую часть бизнеса в Неаполе. Здесь они владеют дополнительными 950 метрами причала, 130 000 квадратных метров контейнерного терминала и территорией снаружи в 30 000 квадратных метров, что позволяет им контролировать почти все проходящие через Неаполь грузы. Нужно сильно напрячь воображение, чтобы представить, как на пристани, такой маленькой с виду, можно разместить несметное количество китайских товаров. Это напоминает известный евангельский образ, только в роли игольного ушка выступает порт, а верблюда, в него пролезającego, заменяют корабли. Суда утыкаются друг в друга носами, становятся цепочкой друг за другом, ожидая разрешения на вход в залив, где царит полная неразбериха из-за сильной качки; огромные корабли, громяхая своими

железными телами, медленно всплывают в гавань через узкое отверстие. Анус моря, который расширяется, не взирая на болезненное сопротивление сфинктера.

Однако все не так. С виду нет никакой неразберихи. Все корабли входят и выходят, соблюдая очередь, — по крайней мере так кажется, если наблюдать с суши. Свой путь начинают отсюда 150 000 контейнеров. В порту воздвигаются целые небоскребы товаров, чтобы потом отправить их дальше. Главное в порту — скорость, любая бюрократическая проволочка или излишне тщательная проверка превращают гепарда в медлительного и неповоротливого ленивца.

Я всегда теряюсь на пирсе. Пирс Баузан — точь-в-точь как «лего». Огромная конструкция, в которой, кажется, уже нет свободного места, но оно все равно появляется и появляется из ниоткуда. Есть на пирсе угол, напоминающий сетку пчелиных сот. Чертовы соты облепили стену: тысячи электрических розеток для подпитки рефрижераторов — контейнеров с замороженными продуктами, от которых как хвосты тянутся провода к этому гудящему улью. Контейнеры забиты полуфабрикатами и итальянскими рыбными палочками. На пирсе Баузан у меня возникает ощущение, что именно отсюда отправляются все произведенные для человечества товары. Здесь они проводят свою последнюю ночь, прежде чем их продадут. Я словно вижу, как рождается мир. За считанные часы проделывает свой путь через порт одежда, которую подростки в Париже будут носить весь следующий месяц, рыбные палочки, которые в Брешии будут есть весь следующий год, часы, которые застегнут на запястьях каталонцы, шелковые костюмы, которые прослужат англичанам всего сезон. Жаль, что на этикетках пишут только страну-производителя товара — было бы интересно знать, какой путь он проделал, прежде чем попасть в руки к покупателю.

По происхождению товар может быть многонациональным, полукровкой и незаконнорожденным. Родается он недоношенным в Центральном Китае, обретает недостающую часть на задворках какой-нибудь славянской страны, доводится до совершенства на северо-востоке Италии, а потом упаковывается в Апулии или на севере Тираны, чтобы в итоге оказаться на одном из многочисленных складов Европы. Товар априори обладает всеми возможными правами на перемещение, недоступными ни одному человеку. Конечный пункт назначения всех официальных и неофициальных перевозок — Неаполь. Издалека огромные контейнеровозы кажутся легкими и грациозными, но едва они входят в залив, медленно приближаясь к пристани, как тотчас превращаются в покрытых металлом и перетянутых цепями тяжеловесных мамонтов, на чьих боках проржавевшие швы пропускают воду. Ты воображаешь, какая огромная должна быть команда на этих кораблях, но на самом деле их разгружают отнюдь не здоровяки, причем их не много, и кажется невероятным, что они справляются с этими гигантами в открытом океане.

Когда я впервые увидел, как швартуется китайский корабль, то был готов поверить, что передо мной все товары мира. Я думал, мне изменяет зрение. Сосчитать контейнеры было невозможно. Я сбивался со счета. Кажется, невозможно запутаться в цифрах, но я путался, числа становились слишком большими, чтобы удерживать их в голове.

Почти весь товар, который прибывает в Неаполь, — китайский. 1 600 000 тонн. И это только то, что регистрируется. Еще как минимум миллион поступает незамеченным, не оставляя никаких следов. По данным Таможенного агентства, в одном только неаполитанском порту 60% товара и 20% квитанций проходят мимо таможи; здесь существуют тысячи возможностей для

фальсификаций: инициаторами 99% из них выступают китайцы, а сумма утаенных налогов за полгода достигает 200 000 000 евро. Контейнеры, которые должны исчезнуть, прежде чем их успеют проверить, выгружаются в первую очередь. По правилам каждый контейнер должен быть пронумерован, но очень часто одинаковый номер стоит сразу на нескольких. Так контейнер, проходящий проверку по правилам, становится крестным отцом для всех своих однофамильцев-нелегалов. То, что отгружают в понедельник, в четверг уже может лежать на прилавках в Модене или Генуе или в витринах Бонна и Монако. Значительная часть товаров, попадающих на итальянский рынок, изначально должна была из Неаполя отправиться в другие страны, но краткая остановка на таможне может волшебным образом превратиться в конец пути. В грамматике языка товаров два разных синтаксиса: один — для документации и другой — для торговли. В апреле 2005 года отдел таможни по борьбе с мошенничеством провел четыре молниеносные операции, все в одном регионе, и конфисковал 24 000 пар джинсов, предназначенных для французского рынка; 51 000 безделушек, произведенных в Бангладеш и с надписью на этикетке Made in Italy; около 450 000 кукол барби, спайдерменов, бэтменов; еще 46 000 пластмассовых игрушек на общую сумму примерно в 36 000 000 евро. За считанные часы неаполитанский порт минует частичка экономики. И растекается по всему миру, выйдя из порта. Происходит это ежечасно, ежеминутно. Небольшая часть постепенно становится все больше и больше и наконец превращается в весомую долю всей экономики.

Порт находится за чертой города. Воспаление этого аппендикса не переходит в перитонит, он всегда остается в пределах брюшной полости, ограниченный линией берега. Некоторые его части заброшены — запертые между землей и водой, они словно не принадлежат ни

суше, ни морю. Амфибия, морское чудище. Мусор и пeregной, отбросы, которые приливы и отливы год за годом прибывали к этим берегам, сформировали новую сушу. Корабли опорожняют свои туалеты в море; после уборки трюмов прямо в воду сливают грязную желтую пену; ремонтируя катера и яхты, прочищая моторы, все ненужное отправляют в море, как в мусорное ведро. А потом все это оседает на берегу: сначала сероватой массой, после — твердым панцирем. Солнечный свет создает иллюзию, что море состоит из воды. На самом деле поверхность залива блеском напоминает мешки для мусора. Черные. Кажется, это не вода, а огромный резервуар с нефтью. Причал, уставленный сотнями разноцветных контейнеров, выглядит как граница, за которую лучше не заходить. Неаполь окружают стены из товаров. Стены не защищают город, наоборот, город защищает стены. Никаких армий докеров, никаких романтических героев из портовой черни. Обычно, думая о порте, все представляют себе необычайно шумное место, снующих туда-сюда возбужденных людей, уродливые шрамы, смешение всевозможных языков. На самом же деле порт может сравниться по тишине с полностью механизированной фабрикой. Кажется, здесь нет ни души; контейнеры, суда и грузовики приводятся в движение вечным двигателем. Все происходит быстро и без суматохи.

В порт я ходил, чтобы поесть рыбы. Впрочем, близость ресторана к морю вовсе не гарантирует, что качество на высоте: я выуживал из тарелки кусочки пемзы, песок, иногда попадались водоросли. Морских черенков² как вылавливали, так и бросали в кастрюлю. С одной стороны, гарантия свежести, с другой — своеобразная русская рулетка: или отравишься, или нет. Сегодня все уже привыкли к отсутствию вкуса у современной пищи, когда кальмара не отличить от курицы. Чтобы почув-

ствовать настоящий вкус моря, надо идти на риск. И я с удовольствием рисковал. В портовом ресторане я заодно поинтересовался у местной публики, где снять жилье.

— Даже не знаю, здесь всё нарасхват. Когда вокруг столько китайцев... — ответили мне.

Вдруг один из сидевших в центре зала здоровяков, обладатель просто-таки великанского голоса, смерил меня взглядом и произнес: «Может, получится что-то найти».

Больше он ничего не сказал. Мы доели обед, вышли и направились к улице, огибавшей порт. Он не предлагал мне следовать за ним, но в этом и не было необходимости. Наконец мы оказались в вестибюле многоэтажного дома, навевавшего мысли о привидениях. Ночлежка. Мы поднялись на третий этаж, где находилось единственное сохранившееся студенческое общежитие. Всех остальных выселили, чтобы освободить место для пустоты. В домах ничего не должно было быть. Никаких шкафов, кроватей, картин, комодов, даже стен. Только пустое пространство для мешков, для огромных, как шкафы, картонных коробок с товаром.

В этом доме мне выделили что-то вроде комнаты, скорее даже, каморку — места в ней едва хватало для кровати и шкафа. Об оплате, о моей части коммунальных платежей, правилах пользования телефоном и Интернетом никто не заговаривал. Меня представили четырем соседям, и на этом все закончилось. Мне объяснили, что это была единственная обитаемая квартира во всем доме, она принадлежала Сяню — китайцу, контролировавшему такие многоэтажки. Я не должен был платить за аренду, но меня попросили работать в домах-складах каждые выходные. Я искал комнату, а в итоге нашел работу. По утрам сносили стены между комнатами, вечером убирали остатки цемента и кирпичей, содранные обои. Обломки складывали в обычные мешки для мусора. Звуки при разрушении стены могут быть самыми неожиданными.

Иногда кажется, что не камни падают на пол, а хрустальные бокалы, которые смахнули рукой со стола. Каждый дом, лишившись внутренних стен, становился складом. Мне самому непонятно, как многоэтажка, где я работал, еще не рухнула, — мы по незнанию разрушили не одну несущую стену. Но для товаров нужно было место, и мы думали не о прочности оставшегося каркаса, а о хранении продукции.

Идея заполнять коробки прямо на этих импровизированных складах пришла в голову каким-то китайским торговцам после того, как портовые власти представили делегации от конгресса США свой план security — проект по обеспечению безопасности. Он заключался в разделении порта на четыре части: рейсовую, каботажную, товарную и контейнерную. Из-за каждой могли возникнуть проблемы. После публикации этого плана безопасности многие китайские предприниматели во избежание вмешательства полиции, слишком долгого обсуждения в прессе и в особенности вторжения назойливых тележурналистов, готовых на все ради забористой картинки, решили впредь остерегаться всяческой огласки и стать невидимыми. Даже если цены повысятся, товар все равно следовало скрывать. Он должен был исчезать в богемных забитых деревнях, в арендованных сараях, стоящих между свалками и табачными полями, но на движение грузовых фур это никак не влияло. Каждый день в порт въезжало и из порта выезжало не более десяти небольших фургонов, нагруженных доверху коробками. Путь их заканчивался через несколько метров, в гаражах соседних с портом домов. Въехать и выехать — этого было достаточно.

Неконтролируемые перемещения, едва заметные и затерянные в ежедневном транспортном хаосе. Арендованные дома, порой полуразрушенные. Гаражи, сообщающиеся между собой, подвалы, забитые товаром до самого потолка. Никто из владельцев не смел протесто-

вать. Сянь платил за все. Платил за аренду, компенсировал перепланировку. Тысячи коробок поднимались на лифте, переоборудованном в грузоподъемник. Теперь зажатую в многоэтажке стальную клетку сменила открытая платформа, безостановочно снующая вверх-вниз. На все про все уходило несколько часов. Выбор коробок зависел от их содержимого. Мне довелось разгружать товар в начале июля. Платят за такую работу хорошо, но заниматься ею можно только при условии постоянных тренировок. Было жарко и очень влажно. Но никто даже не заикался о кондиционере. Никто. Боязнь наказания или свойственная тому или иному народу привычка к подчинению и покорности были здесь ни при чем, ведь работников набирали из самых разных уголков земли. Гана, Кот-д'Ивуар, Китай, Албания — и Неаполь, Калабрия, Базиликата. Никто не роптал, все знали, что товарам жара не вредит, и этого было достаточно, чтобы не тратить деньги на кондиционеры.

Мы набивали коробки куртками, плащами, ветровками, легкими кофтами, зонтами. Лето было в самом разгаре, и казалось совершенным безумием запастись осенней одеждой вместо купальников, сарафанов и шлепанцев. Я знал, что в этих «камерах хранения» товар не залеживался, как на складах, здесь находилось лишь то, что должно было немедленно поступить в продажу. Но китайские предприниматели предвидели, что август будет не особо солнечным. Я навсегда запомнил лекцию Джона Мейнарда Кейнса³ о предельной стоимости: например, о том, сколько стоит бутылка воды в пустыне, и сколько — около водопада. Выходит, что тем летом итальянские предприниматели продавали воду около родников, в то время как китайские сооружали источники в пустыне.

Мы проработали всего несколько дней, когда Сянь пришел к нам ночевать. Его итальянский был безупречен, только «р» немного походила на «в». Как у обеднев-

ших аристократов, которых играл Тото. Сянь Чжу у нас окрестили Нино. В Неаполе почти всем китайцам, так или иначе связанным с местными жителями, дают неаполитанские имена. Это настолько распространенное явление, что ты уже ничуть не удивляешься, когда китаец представляется как Тонино, Нино, Пино или Паскуале. Сянь-Нино, вместо того чтобы спать, провел ночь за столом на кухне, разговаривая по телефону и глядя одним глазом в телевизор. Я лежал на кровати, но уснуть было невозможно. Речь Сянь не прерывалась ни на минуту. Слова вылетали из его рта пулеметными очередями. Он, как ныряльщик, не дышал, погружаясь в словесную пучину. Да еще и газы из кишечника его телохранителей наполняли сладковатым запахом все помещение, испортив воздух и в моей комнате. Дело было не только в зловонии, но и в тех ассоциациях, которые оно вызывало. Утка по-пекински, разлагающаяся в их желудках, и рис карри, разъедаемый желудочным соком. Мои соседи к этому уже привыкли. Они закрывали двери, их не волновало ничего, кроме сна. Меня же интересовало то, что происходило за дверью. Поэтому я вышел на кухню. Она общая, а значит, и моя тоже. Точнее, так должно быть. Сянь закончил разговор и встал к плите. Он жарил цыпленка. У меня в голове вертелись десятки вопросов, которые я хотел бы ему задать из любопытства, из желания прояснить верность стереотипов. Я заговорил о триадах.⁴ О китайской мафии. Сянь продолжал готовить. Я хотел узнать подробности. Пусть даже самые незначительные — на секретную информацию о том, как вступают в клан, я и не рассчитывал. Я демонстрировал кое-какие знания характерных особенностей китайской мафии, полагая, что владение отрывочными сведениями поможет мне постичь сущность целого. Сянь поставил сковородку с цыпленком на стол и сел, не произнеся ни слова. Не знаю, заинтересовала ли его хоть немного моя

речь. Не знаю и никогда не узнаю, был ли он членом мафии. Он глотнул пива, потом чуть приподнялся, вынул из кармана брюк кошелек, не глядя пошарил в нем пальцами и выудил три монеты. Положил их на стол и накрыл перевернутым вверх дном стаканом.

— Евро, доллар, юань. Вот моя триада.

Сянь говорил искренне. Одна-единственная идея, никаких символов или выстроенных в иерархическую лестницу приоритетов. Прибыль, бизнес, капитал. Больше ничего. Принято считать, что всем этим управляет некая неизвестная сила; сейчас такая сила — китайская мафия. Это мощное соединение, которое избавляется от внутренних границ, промежуточных финансовых операций, инвестиций как таковых — всего, что составляет основу любой другой преступной группировки. Уже более пяти лет каждый доклад Комиссии по расследованию деятельности мафии предупреждает о «растущей опасности китайской мафии», но за десять лет расследований полиции удалось конфисковать всего шестьсот тысяч евро в Кампи-Бизенцио, недалеко от Флоренции, несколько мотоциклов и часть фабрики. Ничто по сравнению с экономическими силами, ворочающими капиталами в сотни миллионов евро, если верить американским аналитикам. Китаец мне улыбнулся.

— В экономике есть верх и низ. Мы вошли снизу, а выходим сверху.

Прежде чем пойти спать, Нино-Сянь сделал мне предложение на завтрашний день.

— Ты рано встаешь?

— Когда как...

— Если сможешь завтра в пять утра быть на ногах, пойдем вместе в порт. Ты нам поможешь.

— Что надо будет делать?

— Захвати с собой кофту с капюшоном, если у тебя есть.

Больше он ничего не сказал, и я не стал настаивать. Лишние вопросы могли заставить Сяня взять назад свое предложение, а мне непременно хотелось принять участие в том, что должно было произойти завтра. Спать оставалось всего несколько часов, но волнение не давало забыться.

Ровно в пять я был готов, в подъезде к нам присоединились остальные. Кроме меня и моего соседа, пришли еще два выходца из Магриба с седыми прядями в волосах. Мы влезли в маленький фургон и покатали в порт. Не знаю, сколько мы проехали улиц и по скольким закоулкам пропетляли. Я уснул, прислонившись к окну фургона. Мы вышли около рифов, между которыми ютился маленький мол. К нему была пришвартована лодка, громадный мотор которой казался хвостом, непропорционально тяжелым по сравнению с хрупким, удлинненным корпусом. В своих дурацких капюшонах мы напоминали группу рэпперов. Я полагал, что капюшон нужен, чтобы остаться неузнанным, на самом же деле он всего-навсего защищал от ледяных брызг и должен был спасти от мигрени, которая, когда ты оказываешься ранним утром в открытом море, обычно сжимает виски, словно клещами. Один молодой неаполитанец завел мотор, второй вывел лодку в море. Они выглядели как братья. А может, у них просто были одинаковые лица. Сянь остался на берегу. Примерно через полчаса мы приблизились к кораблю. Казалось, что еще чуть-чуть — и мы врежемся в него. Гигант. Чтобы разглядеть, где заканчивается борт, голову приходилось запрокидывать до боли в шее. Корабли в море испускают стоны из своих железных недр — так скрипят деревья, когда валят лес, и из пустоты рождаются глухие шумы, которые заставляют тебя сглотнуть слюну, отдающую солью.

С корабля при помощи блока рывками опускали сеть, набитую коробками. Каждый раз, когда она касалась

деревянного дна лодки, та раскачивалась, и я уже готовился оказаться за бортом. Ничего подобного. Коробки почти ничего не весили. Но после того, как мы сгрузили на корму штук тридцать, у меня онемели запястья, а из-за постоянного трения о картон покраснела кожа на предплечьях. Моторка повернула к берегу, а за нашими спинами две другие лодки забирали с корабля оставшийся груз. Они были не с нашего мола, но неожиданно пристроились к нам в кильватер. Все внутри у меня сотрясалось каждый раз, как лодка ударялась носом о поверхность воды. Я положил голову на коробки. Попытался определить содержимое по запаху, приложил ухо, чтобы понять по звуку, что же там внутри. Мной стало завладевать чувство вины — бог знает, в чем я принимал участие, у меня не было выбора, от меня ничего не зависело. Если уж брать грех на душу, то хоть сознательно. В результате из-за своего любопытства я оказался в роли грузчика контрабандного товара. Многие почему-то считают, что преступление, в отличие от любого некриминального поступка, — это действие обдуманное и желаемое. На самом деле разницы между ними нет. Поступкам свойственна некая неопределенность, которую этика не принимает в расчет, деля все на черное и белое.

Мы вернулись на мол. Магрибцы без особого труда сходили с лодки, пристроив по две коробки на плечах. Я же терял равновесие и налегке, ноги у меня подкашивались. Сянь ждал нас на выступающих из воды камнях. Он подошел к огромной коробке с ножом наготове и вскрыл широкую полосу скотча, который не давал коробке открыться. Внутри лежали кроссовки. Все известных брендов, подлинные. Новые модели, самые последние, даже в итальянских магазинах таких еще нет. Сянь предпочитал забирать товар в открытом море, чтобы избежать контроля со стороны министерства финансов. Таким образом, часть товара лишалась балласта в виде налогов,

а оптовики получали все без таможенных пошлин. Конкуренция между посредниками осуществлялась за счет скидок. Качество товара одно и то же, но скидки составляют 4, 6, 10%. Никакой торговый агент не предложил бы таких процентов; от этих скидок зависит, прогорит магазин или пойдет в гору, от них зависит открытие торговых центров и гарантированная прибыль, а она, в свою очередь, обеспечивает банковские гарантии. Цены должны снижаться. Все должно делаться втайне и очень быстро. Все во имя купли и продажи. Неожиданный глоток воздуха для итальянских и европейских предпринимателей. Источник этого воздуха — порт Неаполя.

Мы погрузили коробки в фургоны. Приплыли еще несколько моторок, и фургоны разъехались в Рим, Витербо, Латину, Формию. Сянь отправил нас домой.

Всё очень изменилось за последние годы. Всё. Неожиданно. Развернулось на сто восемьдесят градусов. Кто-то чувствует изменения, но пока не в состоянии осмыслить их до конца. Еще десять лет назад залив вовсю бороздили лодки контрабандистов, а розничные торговцы приходили по утрам на причал, чтобы пополнить запасы сигарет. Толпы людей на улицах, машины, забитые блоками сигарет, повсюду столики с товаром. Стычки между береговой охраной, налоговыми инспекторами и контрабандистами. Несколько центнеров сигарет могли спасти кого-нибудь от ареста, но бывало и наоборот: люди зачастую позволяли себя арестовать, чтобы спасти те же центнеры сигарет, спрятанные в двойном дне преследуемой лодки. Ночь, странные передвижения машин, условный свист, рации для передачи сигналов об опасности, люди, выстроившиеся в ряд на пристани и быстро передающие друг другу коробки. Машины мчатся от берега Апулии к центру полуострова и от центра к Кампании. Главной осью было направление Неаполь — Бриндизи, дорога процветающей табачной торговли по низким ценам. Контрабанда для

юга — то же, что «ФИАТ» для севера, она гарантирует благосостояние тех, о ком государство не заботится; двадцать тысяч человек заняты исключительно контрабандными перевозками между Апулией и Кампанией. Именно контрабанда послужила причиной войны внутри каморры в начале восьмидесятых.

Раньше мафиозные кланы Апулии и Кампании снабжали Европу сигаретами, неподвластными государственной монополии. Каждый месяц они ввозили тысячи коробок из Черногории, зарабатывая по 500 000 000 лир за одну погрузку. Теперь все изменилось. Кланы это больше не устраивает. В реальной жизни закон Лавуазье действует как догма: ничто не возникает, ничто не исчезает, все изменяется — не только в природе, но и в капиталистической экономике. Сегодня не сигареты, а предметы повседневного спроса стали объектом интереса контрабандистов. Уже начинается война цен, до ужаса беспощадная. Проценты, скидки, на которые готовы агенты, оптовики и торговцы, руководят жизнью и смертью каждого, кто вовлечен в этот круговорот. Налоги, НДС, ограничение максимального тоннажа фур — ненужный балласт для прибыли. Именно они становятся настоящей проблемой для финансового рынка и товарооборота. Крупные компании теперь размещают производство в Румынии, Молдавии, в Китае — из-за дешевой рабочей силы. Но и этого мало. Среди тех, на кого рассчитан товар, произведенный с наименьшими затратами, все больше людей с нестабильным заработком, минимальными сбережениями и привычкой считать каждый цент. Объем непроданного увеличивается, и товары — настоящие, поддельные, полуподдельные, почти настоящие — бесследно исчезают. Пропадают без вести. Отследить их труднее, чем сигареты, которые продаются по двум параллельным каналам — официальному и нелегальному. Как будто никто и не перевозил этот груз, он сам по

себе вырос в поле, а потом урожай собрали неизвестно чьи руки. Товар, в отличие от денег, пахнет. Но не морем, не руками тех, кто произвел его, не машинным маслом автоматов, его упаковавших. Товар пахнет самим собой. Этот запах рождается на прилавке торговца и улетучивается в доме покупателя.

Оставив море позади, мы вернулись домой. Фургон приостановился ровно на столько, чтобы мы успели выйти. И уехал обратно в порт — его дожидались коробки, сотни коробок, которые надо было перевезти. Еле живой от усталости, я забрался на лифт-подъемник. Снял насквозь промокшую от пота и морской воды кофту и рухнул на кровать. Не знаю, сколько коробок я перетаскал. Но, судя по ощущениям, я разгрузил столько обуви, что хватило бы половине населения Италии. Я так устал, как бывает после долгого и очень напряженного дня. Дома же все только-только просыпались. Было еще утро.

Анджелина Джоли

Теперь я сопровождал Сяня на деловые встречи. На самом деле он брал меня с собой, чтобы не скучать в пути или во время обеда. Я говорил или слишком много, или слишком мало. И то и другое ему одинаково нравилось. Я видел воочию посев и всход денежных семян, стояние «под паром» полей экономики. Мы добрались до «Лас-Вегаса». Этот район на севере Неаполя называют так по разным причинам. Он, как и Лас-Вегас в штате Невада, находится посреди пустыни; кажется, будто всё здесь появилось из ниоткуда. Сюда ведут пустынные дороги. Километры асфальта, бескрайних шоссе, которые уносят тебя прочь, чтобы всего через несколько минут доставить на автостраду, ведущую на север, в Рим. Эти